

Роскошь, доступная каждому

Людмила Улицкая

Слово «благотворительность» мне не нравится. То ли дело «каритас» или «шаритэ». Звучит красиво, кругло, недлинно. А наша «благотворительность» – слово длинное, нескладное. К тому же, ясное дело, благотворитель – богач, а по законам классового сознания, богач – лицо отвратительное.

В советские времена бедность и богатство были нравственно заряженными понятиями. Всем было ясно, что богач непременно злодей, а бедняк – хороший человек. В общем, богатого следует ограбить и все отдать бедному. На том стояли. Так что какая уж тут благотворительность. Бедному, сколько ни дай, не помочь. Он все норовит опять стать бедным. Поэтому уж лучше не давать. Всем поровну. Идея, может, и хорошая, а исполнение – как всегда. На восемьдесят лет в России о благотворительности забыли с большим удовольствием: государство все взяло на себя, а обществу предложило молчать и аплодировать. В крайнем случае, не вмешиваться.

Последнее десятилетие в России снова появилась благотворительность: сначала в виде подарков от частного человека в детский дом, в библиотеку, в больницу. Потом начали возникать фонды, попечительские советы – похожие на западные структуры.

Но только попав в этом году в Стенфордский университет, я поняла, какой может быть благотворительность в стране, где она существует не одно столетие и является почетным и престижным делом богатых людей.

Улицкая Людмила Евгеньевна – писатель, сценарист, публицист. Один из самых признанных авторов в России и за рубежом. Лауреат многих российских и международных литературных премий. Романы, повести, сборники рассказов Улицкой переведены на 32 языка и напечатаны практически во всех странах мира. Самым известным произведением считается «Казус Кукоцкого», отмеченный Букеровской премией. Среди других книг – «Сонечка», «Медея и ее дети», «Даниэль Штайн, переводчик». По сценариям Улицкой снято несколько художественных фильмов, поставлены театральные спектакли.

Благотворительный Фонд Людмилы Улицкой по поддержке гуманитарных инициатив реализует детский книжный проект «Другой, другие, о других» и программу благотворительной помощи библиотекам «Хорошие книги».

К этому времени я уже состояла членом попечительских советов одной больницы, одного лица, одного детского дома и одного хосписа. Подписывала положенные письма, ходила время от времени на собрания и честно открывала кошелек.

Это была, кроме всего прочего, семейная традиция: у меня были замечательные

прадед, бабушка и мама, и я с детства видела, как они легко и радостно отдают деньги, вещи и время. Правда, не чужим людям, а нуждающимся родственникам и друзьям, в крайнем случае, соседям. Очутившись в Стенфорде, я увидела, какой бывает благотворительность совсем «для чужих». Мне рассказали историю университета и человека, который его задумал и построил на свои деньги, от первого камня до церкви. Это великая американская история, и ее я хочу для начала рассказать. Леланд Стенфорд родился в 1826 году в Нью-Йорке в англиканской семье. Из девяти братьев он был самый удачливый, стал юристом и быстро-быстро разбогател. Но пожар погубил его дом и адвокатскую контору, и все его богатство сгорело в самом прямом смысле слова. К 1848 году, когда разразилась в Калифорнии «золотая лихорадка», он как раз потерял свое первое состояние и отправился вслед за братьями делать новую жизнь в Калифорнию. Условия

и тысячи китайцев строили железную дорогу в ужасных условиях, получая грошовые заработки и погибая на этой «стройке века» тысячами. Сам же Стенфорд в те годы «поднялся», стал одним из самых богатых людей в Калифорнии и очень умело распоряжался и железнодорожным бизнесом, и банковскими операциями. Стал заниматься политикой, был избран губернатором Калифорнии и основателем консервативной партии, из которой потом выросла современная республиканская партия. Он пользовался своим положением губернатора, брал государственные займы и был замешан в разных финансовых махинациях, привлекался к суду, но умел выходить «сухим из воды». Стенфорд женился, построил роскошный дом в Сан-Франциско. После многих лет бесплодного брака родился поздний ребенок – Леланд Стенфорд-младший. Мальчик был замечательный – он получал лучшее по тем временам образование, увлекался изобразительным ис-

В советские времена бедность и богатство были нравственно заряженными понятиями. Всем было ясно, что богач непременно злодей, а бедняк – хороший человек. В общем, богатого следует ограбить и все отдать бедному. На том стояли. Так что какая уж тут благотворительность.

были ужасные: жили братья в халупе с земляным полом, вели полуголодное существование и адски работали. Торговали мылом и крупой, порохом и машинным маслом, словом, тем товаром, который нужен был золотоискателям. Расплачивались покупатели довольно часто песком. Золотым. Первые заработанные деньги Леланд вкладывает в развитие железной дороги, которая соединяет Восток и Запад. Он был одним из первых «венчурных» капиталистов. Вкладывал в будущее. Это было время, когда в Америку хлынул первый поток китайских эмигрантов,

кусством, и уже лет в 12 начал собирать коллекцию. Всей семьей они ездили в Европу, часто в Северную Италию, покупали прекрасное европейское искусство и вывозили в Калифорнию. В этот период Стенфорд построил дачу в дне езды от Сан-Франциско, в местах, которые назывались Red Wood – красный лес. Это был огромный лес секвойи, который сохранился и по сей день. Стенфорд скупил в округе Редвуда больше 8 тысяч акров земли, развел огромное хозяйство, прекрасный конный завод. Его лошади поставили 19 мировых рекордов. Стенфорд интересовался

наукой – разведение лошадей было поставлено на научную основу. Его вообще интересовала наука. Все, к чему только ни прикасался Стенфорд, начинало цвести и плодоносить.

А потом произошло несчастье, которое изменило всю жизнь семьи Стенфордов: его сын, не дожив до 16 лет, умер от тифа во время одной из поездок по Италии, в прекрасном городе Флоренции. Болезнь началась внезапно и длилась всего три дня. Спасти мальчика не смогли. От горя Стенфорд потерял дар речи, но, когда речь к нему вернулась, он сказал жене: «Теперь все дети Калифорнии будут нашими детьми».

В том же году Стенфорд объехал все крупные американские университеты. Он изучил, как они устроены, как финансируются, как идет образовательный процесс. Он хотел сделать лучше. Посчитал, как полагается капиталисту, деньги и прикинул: нужно 5 миллионов долларов. Сумма по тем временам гигантская даже для Стенфорда. Он посоветовался с женой. Она сказала «да».

Так губернатор, жесткий человек с сомнительной репутацией, начал «вторую» жизнь. Он заказал архитектурный проект – католические мотивы на индейской почве, и началась грандиозная стройка. Строительство продолжается и по сей день и именно по тем принципам, которые заложил Стенфорд. Он любил все самое лучшее – и по сей день новые

Леланд Стенфорд-младший

Последний по времени квадрат, совсем недавно построенный, – это медико-технологический корпус, возведенный между медицинским и технологическим. Его проектировал Норман Фостер, один из ведущих современных архитекторов. Границы территории представляють собой одновременно и границы наук.

От горя Стенфорд потерял дар речи, но, когда речь к нему вернулась, он сказал жене: «Теперь все дети Калифорнии будут нашими детьми».

корпуса строят самые известные и талантливые архитекторы.

Застройка идет по определенному модулю – квадратно-гнездовым способом, как я бы это определила. Принцип Стенфорда – соединение практики и культуры, бизнеса и политики.

Подход формальный, но, как оказалось, прекрасно себя оправдал.

На этом пересечении границ образовалась спустя сто лет после смерти основателя Силиконовая долина, здесь родились Yahoo, Google, одна из лучших современных генетических школ.

Памятник семье Стенфордов на территории университета

Принцип «всего самого лучшего» распространялся и на подборе профессорско-преподавательского состава. С самого основания университета «перекупали» лучших ученых и давали им такие деньги, что отказать было невозможно. Между прочим, эта традиция сохраняется уже больше ста лет.

Первый университетский выпуск был в 1892 году – об этом свидетельствует утопленная в одной из галерей медная плита. Рядом такие же плиты с датами – вплоть до нынешнего года.

Первые двадцать лет обучение было бесплатным. Сейчас, надо признать, это один из самых дорогих университетов Америки. Первоклассные лаборатории, первоклассные профессора – вот что делает Стенфордский университет одним из самых престижных учебных заведений страны. В соседнем университете города Беркли на 100 студентов приходится 1 профессор,

в Стенфорде – 1 профессор на 7–8 студентов. Территория университета огромна. Скульптуры любимого Стенфордом Родена украшают скверы и перекрестки университетского городка. Есть и более современная скульптура: Мур, Липшиц. Есть и музей с огромным собранием картин: в первых залах семейные картины той счастливой поры, когда был жив еще Леланд Стенфорд-младший.

Симпатичный мальчик, смерть которого изменила жизнь западного побережья Америки.

История Стенфорда – человека и университета – великая американская история. Традиция благотворительности продолжает здесь существовать – куда ни повернешься, всюду висят таблички: дар господина и госпожи таких-то.

Среди дарителей – родители погибших ребят, выпускники Стенфордского университета, просто богатые люди, которые считают наиболее достойным способом увековечить свою память, выписывая чеки на нужды университета. Эта национальная традиция. Всем известны имена Карнеги – потому что знают о существовании Карнеги-холла. Но есть в Америке Чикагский университет, построенный на деньги Рокфеллера в 1892 году, и Медицинский институт, и еще много чего, что финансировал Джон Пирпонт Рокфеллер, его сын и внуки. Между прочим, когда Рокфеллер-старший умер, то на благотворительность он положил полмиллиарда, а состояние, переданное по завещанию сыну, было меньшим.

В отличие от нашей страны, где революция прервала этот процесс превращения «дикого капитализма» в капитализм цивилизованный, в Америке традиция благотворительности росла и крепла, охватывая все сферы жизни. Образование, здравоохранение, культура, фундаментальные науки получают постоянно огромные вливания от частных фондов. Самым щедрым благотворителем в сегодняшней Америке считается Билл Гейтс. Полтора месяца я работала в Гуверовском архиве Стенфордского университета. У меня были свои интересы,

связанные с российской историей 70-х годов, а в свободное время я присматривалась к американской благотворительности и пыталась понять, почему у них получается то, что совсем не получается у нас: а именно, создать такое общество, такие структуры, которые сами о себе

3. *Американцы уже миновали этап «жесточкого» капитализма и теперь стали сентиментальны и готовы платить своим нищим и больным, а мы, россияне, все еще находимся на той стадии, где главная цель богатого человека – купить яхту, остров, драгоценности и вообще*

Я присматривалась к американской благотворительности и пыталась понять, почему у них получается то, что совсем не получается у нас: а именно, создать такое общество, такие структуры, которые сами о себе заботятся, сами себя финансируют и являются не конкурентами государства, а его партнерами.

заботятся, сами себя финансируют и являются не конкурентами государства (какое это государство рвется тратить деньги на общественные нужды – надо его заставить это делать!), а партнерами государства.

Честно говоря, секрета я не открыла.

Я не знаю, почему богатые, не очень богатые люди, а также люди более чем среднего достатка считают необходимым отдавать личные деньги для общественного блага?

Существует множество вариантов ответа на этот вопрос:

1. *Там, на растленном Западе, государство хитро провоцирует богатых людей жертвовать деньги на благотворительность (читай: общественные нужды), потому что дает им налоговые льготы в разных формах, поощряя тем самым меценатство всякого рода.*
2. *Америка – протестантская страна. Протестантизм – религия труда и религия сдержанности. Всяческая роскошь не поощряется общественным мнением. Вот они от ханжеского стыда не покупают себе золотых унитаза, а строят общественные уборные.*

все, что можно купить за деньги. Надо немного подождать, и наши богачи тоже опомнятся, повзрослеют и поймут, что самая большая роскошь – содержать детский дом, больницу или университет. Сколько ждать – никто не знает.

4. *В Америке давно уже существует гражданское общество, которое контролирует государство в большей мере, чем где бы то ни было в мире. Это гражданское общество порой принимает на себя помощь в решении острых социальных проблем. Существует большое число частных госпиталей, школ, учебных заведений, которые оплачиваются частными спонсорами и большими компаниями.*

Впрочем, для нас не так уж важно, почему у них так хорошо получается, а у нас пока не очень. На рубеже XX века Россия созрела для благотворительности, и до революции было очень многое сделано частными людьми для блага общества. Несколько городских больниц и по сей день прекрасно работают, несмотря на то, что они устарели во всех отношениях. Сегодня в России опять появились серьезные благотворители. Некоторая

часть людей и организаций, которые вкладывают большие деньги в культуру, в науку или на социальные нужды, вынуждены это делать по прямому распоряжению начальства. Им приказывают – они соглашаются. Очень часто частные деньги идут на покрытие тех расходов, которые обязано производить государство, но не хочет. Эта благотворительность вынужденная, но все-таки она существует. Есть и такие донаторы, которые тратят деньги без указки сверху – по той единственной причине, что видят ост-

Но фонды, тем не менее, растут, делают огромную работу. Все большее число людей, даже не пережив такого несчастья, как Леланд Стенфорд, начинают понимать, что помочь больному и нищему, инвалиду и заключенному – это шанс изменить мир к лучшему, хотя бы в отдельно взятой точке. Большие деньги дают их владельцам многие преимущества перед теми, кто не имеет лишней копейки. Они дают свободу (есть такой предрассудок), дают возможность прекрасных путешествий в разные страны (до тех пор,

Сегодняшний кризис, который только начинается (и ни один специалист не может предсказать всех последствий происходящего), изменит очень многое в жизни нашего и будущих поколений. Первое последствие – крушение ложной идеи всевластия денег.

рые социальные болезни и пытаются их «подлечить» своими средствами. Главное, что появились люди, готовые вкладывать личные деньги для решения общественных проблем. Их много. Наиболее интенсивная деятельность связана с лечением детей. Существуют фонды, изыскивающие огромные деньги на оборудование медицинских учреждений, на дорогостоящие лекарства детям с онко- и сердечно-сосудистыми заболеваниями, детям, нуждающимся в пересадке органов. Существуют фонды для помощи детям с синдромом Дауна, с диабетом и другие. Это наиболее популярные фонды – на больного ребенка дать деньги легче, чем на умирающего старика. На детский дом проще, чем на хоспис. А в стране есть хосписы, которые нуждаются в финансировании, потому что государственное финансирование недостаточно. Выражаясь мягко. Еще труднее добыть деньги для помощи бомжам, для обитателей колоний, для инвалидов и пенсионеров.

пока не утрачивается «охота к перемене мест»), дают привилегию на высокое «качество жизни» (пока не обнаруживается, что воздух, вода и пища теряют качество во всем мире) и прочие мнимые и реальные радости. Но есть вещи, которые не покупаются за деньги – никто не может избежать болезней и смерти, несчастья и одиночества. Когда приходит это понимание, меняется отношение к деньгам. Они не есть вечная ценность. Сегодняшний кризис, который только начинается (и ни один специалист не может предсказать всех последствий происходящего), изменит очень многое в жизни нашего и будущих поколений. Первое последствие – крушение ложной идеи всевластия денег. Больше ста лет тому назад молодой врач Федор Гааз, приехавший в Россию из Германии, сделал прекрасную карьеру – разбогател, купил в Москве пять домов, деревню и фабрику в Подмосковье.

А потом его назначили инспектором тюремных больниц, и это совершенно изменило его жизнь. Он увидел каторжников, прикованных к железному пруту, в тяжелых кандалах проходящих по Владимирскому тракту, и в нем произошел переворот.

Двадцать лет он добивался облегчения их участи, добился отмены «прута», к которому их приковывали, сделал более легкими кандалы, и лечил, лечил, лечил. И кормил, и помогал спасать детей каторжников, которые шли за родителями в Сибирь.

Он спустил свое состояние, и хоронили его на средства Полицейского управления, потому что у него не было ни копейки. Вся Москва хоронила его – толпы шли за гробом. Наряды полиции, посланные для предотвращения беспорядков, шли вместе со всеми, обнажив головы.

По сей день на его могиле на Немецком кладбище в Лефортово всегда

Фёдор Гааз

Даже самая длинная человеческая жизнь коротка по сравнению с жизнью большой черепахи или дуба. Но человек может сделать то, что не может и не умеет ни одна живая тварь – спасти другого человека. А может просто немного помочь – накормить голодного, облегчить страдания больного. Попробуйте, и вы почувствуете, как ваша жизнь наполняется новым смыслом, которого так часто не хватает в нашей суетливой, тяжелой и зачастую удручающей жизни.

лежат цветы. Жива народная память. Но вспомнила я его из-за одной фразы, которую он постоянно повторял: «Спешите делать добро!» Даже самая длинная человеческая жизнь коротка по сравнению с жизнью большой черепахи или дуба.

Но человек может сделать то, что не может и не умеет ни одна живая

тварь – спасти другого человека. А может просто немного помочь – накормить голодного, облегчить страдания больного. Это – так хорошо.

Попробуйте, и вы почувствуете, как ваша жизнь наполняется новым смыслом, которого так часто не хватает в нашей суетливой, тяжелой и зачастую удручающей жизни. ■